

ДОХОД И ФОРМАЦИИ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА С ПОЗИЦИИ БАЛАНСА

Несколько соображений по поводу типологии источников дохода Адама Смита и формационного подхода Карла Маркса.

В свое время Адам Смит выделил три типа источника дохода, возможных в мирное время, не более. Это:

- заработная плата;
- прибыль с вложенного капитала;
- рента с возобновляемого или долговременного ресурса (прежде всего, с земли).

Больше этих трех типов, не считая охоту и собирательство, а также воровство, грабеж и прочие девиации, человечество пока не знает (эти исключения можно отнести, с одной стороны, к не мирным, с другой стороны – к специфическим рентным).

Еще Смит отмечал, что эти три типа бывают столь хитро устроены и столь похожи друг на друга, что их нередко путают, выдавая один за другой.

Как бы то ни было, развитие идей Смита, получивших начало под названием «политэкономия», привело к Марксу, создавшему так называемый «формационный» подход к пониманию человеческой истории, общества и происходящих в нем процессов, в базисной основе которых, как он считал, лежали отношения экономические.

Формации Маркс понимал как некий способ общественного устройства, основанный на определенном, конкретном, типе отношений экономических. Так, он выделял широко известные рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, социалистическую и коммунистическую формации, каждая из которых представлялись ему логичным следствием развития из предшествующей. Первобытно-общинную формацию я здесь рассматривать не буду, поскольку считаю возможным вполне отнести ее примитивным природно-рентным, дофеодальным или протофеодальным, формам дохода¹.

Между тем, во взглядах Маркса на эти вещи есть одна тонкость, и состоит она в том, что актуальным типом общественной формации в период его жизни была капиталистическая, также характеризующаяся как «власть капитала». Это значит, что извлечение прибыли любой ценой, взятое как некая высшая, надличностная ценность и ценность личного успеха, безотносительно к разного рода объяснениям его более-менее обоснованными и вразумительными категориями «протестантской этики» или «допустимости ссудного процента», подавляло и подчиняло себе все прочие источники дохода – предшествующий капитализму «рентно-феодальный» и зарплатный, который, в меру массовизированности тех или иных групп профессий в той или иной области, мог быть подавляем эксплуатацией со стороны «работодателей», заинтересованных, с одной стороны, в расширении числа профессий под расширяющиеся рынки сбыта и, с другой стороны, в массовизации и популяризации почти любой профессии в меру спроса на нее, дабы капитал мог, с

¹ Тем не менее, обращение к базовым природно-рентным формам накопления запасов и связанным с ними отношениям будет важно в дальнейшем, при определении возможностей выхода в это состояние на новом витке общественного развития, обусловленного сверхусложнением технологий, их развитием до автопоэтического состояния и удвоением природной реальности, с выходом за рамки контроля со стороны эмитентов данных технологий. Некоторые признаки позволяют судить о возможности такой ситуации.

одной стороны, регулировать цены на специалистов на рынке труда (в пределах размывая их) и, с другой стороны, предотвращать формирование профессиональных гильдий, цехов и союзов, как влиятельных социальных объединений, конкурентных ему, основанных на некапиталистическом, зарплатном принципе – то есть, на примате труда и квалификаций.

В пределах, однако, во времена Маркса наиболее массовизированным был пролетарский труд, который имел (и демонстрировал) значительный потенциал к повышению квалифицированности и сознательности его носителей, а потому, по мнению Маркса, был способен сделать пролетариат источником значительных социальных изменений.

История знает общество, построенное на плате за труд как преимущественном, а в большинстве случаев – исключительном – источнике доходов. Это советское общество, построенное в СССР и добившееся грандиозных успехов, и даже имевшее в 1970-е годы шанс стать полной глобальной доминантой, однако, в силу ряда вполне логичных, системных обстоятельств, вызванных не только внешними, но и внутренними, причинами, прекратившее свое существование. В основе хозяйствования в этом обществе лежала плановая экономика, основанная на концепции межотраслевого баланса, разработанной в первые годы советской власти. Кстати следует заметить, что баланс, пропорция, колебания – едва ли не главное понятие, выступающее лейтмотивом отношений едва ли не всех категорий политэкономии Адама Смита.

Как бы то ни было, налицо разница между пятью типами формаций и тремя типами доходов, причем все три смитовских типа доходов соответствуют трем формациям, размещаемым Марксом последовательно, как универсальные этапы общественного развития: феодализм (рента), капитализм (капитал), социализм (зарплата). Остаются формации-«маргиналии» – рабовладение и коммунизм.

Рабовладение – весьма неоднозначная вещь, поскольку, например, у некоторых традиционных обществ (например, у древних славян) причиной рабовладения были военные походы, и оно было срочным, то есть по истечении некоторого времени раб становился полноправным членом общины. Античное рабовладение также весьма неоднозначное понятие, о чем, а также о том, как, в частности, это марксово пятичленное деление формаций дает сбой на примере культур Востока, говорит известный российский историк Андрей Ильич Фурсов. Не уходя в особо долгие академические споры, стоит, положив руку на сердце, признать, что, по большому счету, рабовладение, как обогащение и нажива одних за счет бесправия, бессилия и обмана других, есть нечто такое, что присуще любой из операционально обозримых общественно-экономических формаций (феодальной, капиталистической и социалистической), причем присуще в самых разных формах – и феодализму в виде крепостничества и оброка, и капитализму в виде экономического подавления труда, удушения опасных для извлечения прибыли технологических инноваций и ограничения доступа к образованию, и социализму, который, при всем постулировании ценностей социальной справедливости и даже воплощении их в жизнь для подавляющего большинства населения страны, будучи воплощен в «отдельно взятой стране», значительную часть истории этой страны, ставшей источником его распространения, располагал разветвленной тюремно-лагерной системой, формировавшей резерв дармового рабского труда на основе высосанных из пальца и сфабрикованных обвинительных приговоров (сейчас такая система активно создается в США – классической стране капитализма, находящегося в ярко выраженной империалистической фазе).

Еще можно вспомнить постсоветских гастарбайтеров в России, которых лидеры местных диаспор активно отваживают от изучения русского языка и понимания того, что у них есть какие-то права.

Отсюда следует вывод и, одновременно, гипотеза, идущие безотносительно к идеям Фурсова и прочих светлых голов: рабовладение в той или иной форме, будь оно угнетение человека человеком вообще, лишение одними людьми других свободы, принижение их достоинства и

потенциала в качестве средства собственного возвеличивания, есть некая болезнь общества, по-аристотелевски взятого как целое, следствие некоего дисбаланса, диспропорции в нем, девиация от вселенского принципа, в нем выраженного; и то, что лежит в основе этого дисбаланса, я полагаю связанным с неравномерностью или неравноправностью трех типов источников доходов, распределенных на различных системных уровнях в конкретных обществах.

При этом следует учитывать и то, идущее от Смита, обстоятельство, что в основе всякой экономической стоимости все-таки лежит труд, безотносительно к тому, добровольный он и зарплатный ли.

Из этой гипотезы следует несколько важных допущений:

- известных общественно-экономических формаций, противоречия внутри которых ведут к возникновению другой формации, всего три, а не пять, как утверждает Маркс;
- доминирование хотя бы одного из видов доходов и подавление им других (на различных системных уровнях, пока безотносительно к их конкретике) ведет к экономическим диспропорциям, социальной несправедливости и, в конечном счете, чревато рабовладением в той или иной его форме;
- само понятие общественно-экономической формации связано с болезнью и нездоровым состоянием общества, подобно тому, как признаком нездорового состояния у человека является непропорционально выпяченный орган, или же более-менее болезненное ощущение некоторого внутреннего органа, в норме не ощущаемого;
- смена экономических формаций может происходить не обязательно в том порядке, что обозначил Маркс, а конкретное историческое воплощение их последовательности (феодализм, капитализм, социализм) суть следствие конкретных исторических условий;
- экономические формации, даже если они «вдруг» имеют какую-то, логически кортежированную, цикличность (допуская, что марксов их порядок справедлив), могут воспроизводиться на новых «витках» исторического развития, порождая новые формы, эффекты и надстройки, оставаясь теми же в своей сути проявлениями дисбаланса общественного организма;
- коммунизм, в рамках данной гипотезы, есть такое состояние общества, в котором потоки различных ресурсов распределяются в системе сбалансированных отношений между типами доходов, где ни один из них не довлеет над другим и не подавляет другой (в том числе не делает это системно), а следовательно, ни один человек, реализующий себя в пространстве хозяйственной деятельности в рамках одного типа получения доходов, не подавляет другого и не паразитирует на другом, реализующем себя в этом же или другом типе, то есть не может получить за счет лишь какого-то одного типа своего дохода власть над другими людьми.

По поводу последнего пункта – простой кантовский вопрос: как это возможно? Вернее так: каким должно быть общество, или что должно быть в нем, чтобы это состояние типологического баланса доходов в нем было гомеостатичным? И это при том, что везде и всюду опыт свидетельствует о наличии колоссального классового расслоения, расслоения по уровню доходов, обострения социальных противоречий и ожесточения борьбы уже в постпролетарский период глобальной человеческой истории. Хотя по поводу последнего – это как сказать: если пролетарий, следуя латинской этимологии, есть тот, кто не умеет ничего, кроме как плодить детей, то сегодняшнее его подобие не имеет доступа к труду и заработку, а также обзаведению собственным жильем и, далее, содержанию семьи и производству потомства, но имеет, как правило, высшее образование и даже ученые степени, готово трудиться и создавать высокую стоимость, и часто весьма умело; но, опять же, не имеет к тому возможности. Такова, например, бунтующая молодежь в Испании, возмущенная бесперспективностью своего положения и вытесняемая на периферию жизни.

На первый взгляд, гипотеза о коммунизме как балансе смитовских типов дохода – полнейший наив и свидетельство незнакомства с книгой В.Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», где столь решительно обличаются всякого рода межклассовые соглашения и компромиссы. Однако здесь речь идет не о классах, присущих той или иной формации, аналитически предполагающей внутри себя экономическую диспропорцию, но именно о способах дохода, взятых в их общих структурных особенностях, как их понимал Смит, воплощенных в любом обществе и не зависящих ни от каких классов, а также от уровня системной представленности этих способов, или типов. Это следует признать, если исходить из признания научной универсальности политэкономии (и экономики вообще) как средства описания любой, относящейся к ней, предметности и объектности. В этом смысле речь не идет о том, чтобы соглашательски примирить классовые противоречия, но о том, чтобы рассмотреть вложение средств в дело, заработок за труд или знания, а также получение рентных благ с точки зрения возможности их органического взаимодействия и равновесия в обществе, но никак не перекоса в ту или иную сторону.

Разумеется, здесь, в связи с этим, следует сделать еще одну оговорку: сам Адам Смит создавал политэкономиию как средство описания и толкования хозяйственных реалий уже присущего ему, достаточно развитого, капиталистического общества, которое само себя этой самой просветительской наукой расколдовывало. Однако, будучи в себе самом себе самому данное, это общество имело лишь конкретный опыт самого себя, и Смит наблюдал экономические категории в привязке и подчинении реалиям, раскрываемым этим самым опытом. Что совершенно не может отрицать иных условий, при которых способы получения доходов были бы представлены в обществе более органичным и гармоничным образом.

Таково общее изложение моей гипотезы, более подробное рассмотрение, прояснение и проверка которой наверняка смогли бы решить очень многие противоречия настоящего и ожидаемые проблемы тревожных перспектив.

Прежде всего, здесь нужно обозначить направление работы, которая связана с проверкой изложенных выше допущений. Ее особенностью будет, с одной стороны, прояснение общественных условий, в рамках которых возможен типологический баланс доходов, а также связанных с ним следствий и возможностей для общества. С другой стороны, специфику этой работы будет определять понимание основных условий нарушений баланса и перекоса в сторону той или иной формации, причем это понимание должно исходить из обозначенного принципа их системности, а не стадильности (что наверняка потребует серьезного пересмотра еще целого ряда положений Маркса, связанных со стадильным представлением о формациях). Наконец, с третьей стороны, специфику работы будет определять попытка представить типологический баланс и дисбаланс доходов в обществе как часть естественного процесса адаптации и развития общества в мире природы и в окружении других обществ, а значит, попытка понять ключевые условия и направления достижения общественного гомеостаза из состояния той или иной формации.

Еще раз, отдельно, следует подчеркнуть, что данное исследование в рамках предложенной гипотезы основано на специфическом формационном подходе, где во главу угла кладется пропорция типов доходов, рассмотренных как основные политэкономические категории, с безусловным учетом значимости всех остальных категорий и связанности с ними этих данных все тем же отношением «пропорции» (или баланса). Это, в частности, означает, что в рамках верификации данной гипотезы совершенно не исключаются все прочие, известные в политэкономии Адама Смита, допущения и прогнозы возможностей экономического развития, в частности, прогноз конца капиталистической формации, связанной с невозможностью расширения рынков сбыта и углубления разделения труда. Это нисколько не противоречит ни системному подходу к формациям, ни представлениям о проблемах живых или жизнеспособных систем, столкнувшихся с теснотой среды обитания и недостаточностью ресурсов развития.

Собственно, сам Адам Смит в своем «Исследовании...» отмечает трудность идентификации видов дохода, переход одной их формы в другую и наличие ошибок, возникающих в связи с попыткой их конкретной типологизации. Однако, похоже, вопрос такого различия не является для него предметом пристального внимания, а потому он обходит его стороной; кроме того, политэкономия изначально исходит из макроэкономического подхода, и вопрос о преимущественном типе дохода в обществе для Смита был более важен, чем вопрос о типологическом балансе доходов, о чем он пишет в самом начале своей книги, во введении:

«В задачу первых четырех книг, таким образом, входит выяснение того, в чем состоял доход главной массы народа или какова была природа тех фондов, которые в различные века и у различных народов составляли их годовое потребление. Пятая, последняя, книга рассматривает доход государя или государства».

Однако прежде чем сделать переход к более подробному изложению доводов в пользу или против рассматриваемой гипотезы, следует сказать несколько слов об этике как методологической основе самой политэкономии (Адам Смит также известен как философ-этик), тем более, что в силу определенных причин такое понимание этики было основательно позабыто. Собственно, просветительский пафос приведенной выше цитаты как раз и заключается в этическом послы: начав с рассмотрения доходной доминанты народных масс, соотнести ее, в конечном итоге, с доходной доминантой управляющего народом государства, в пределе воплощенного в единственной фигуре государя.

© Дмитрий Алексеев
<http://www.dalekseev.ru>